

От автора: главы полностью переписаны. История возобновлена, поэтому переписанные главы будут выходить как новые.

В день осеннего равноденствия наступает момент совершенного равновесия в природе. Энергии инь и ян, до этого пребывавшие в противоборстве, теперь пришли к идеальному согласию, признавая равную силу друг друга. Это великое примирение, после которого наступали самые прекрасные дни. Время удивительно ясной, мягкой и солнечной погоды, дарящей умиротворение.

В такой день, когда само небо ликует, умывая землю хрустальной лазурью и золотом, сидеть в четырёх стенах казалось настоящим преступлением. Весь городок, будто повинуюсь незримому зову, выплеснулся на улицы. Даже те, кто обычно был погружён в бесконечные заботы, нашли возможность вырваться, чтобы на несколько часов забыть о делах, пройтись по аллеям парка, усыпанным первыми опавшими листьями и окунуться в шумное великолепие фестиваля.

Среди них был и он.

Молодой человек, уставший от мерцания экрана, наконец отодвинулся от компьютера. Тихий щелчок прозвучал как финальный аккорд. Он аккуратно сложил очки в бархатный футляр, и этот простой жест словно подвел черту под долгой чередой рабочих будней. Эти дни слились в один нескончаемый поток, показавшийся вечностью, проведённой в добровольном заточении.

Теперь же Янь Шэнли манила прохлада осеннего воздуха, обещание праздника и простая человеческая радость – быть частью этого яркого, дышащего жизнью дня.

Ему страстно хотелось наверстать упущенное время, стряхнуть с себя пыль одиночества и окунуться с головой в суету и веселье. Вырваться из своей тёмной пещеры, где единственным светом был монитор.

Купить на разукрашенной ярмарке яркие безделушки, чья ценность измерялась не стоимостью, а сиюминутным капризом души – ароматную выпечку с корицей, смешной брелок, горячий напиток в бумажном стаканчике. Он заранее знал, что потом, уже дома, будет с лёгким укором разглядывать эти ненужные сокровища и корить себя за безрассудную трату кривно заработанных денег. Но сейчас это не имело никакого значения.

Сегодняшний день был слишком ярким, чтобы думать о завтрашнем.

Лениво натянув на себя джинсы и просторную футболку мягкого молочного оттенка, Янь Шэнли щёлкнул замком и вышел из квартиры. Улица встретила его шумом. По обеим сторонам тянулись вереницы пёстрых палаток, уставленных всякой всячиной, словно яркая гирлянда, опоясавшая спящий обычно переулок.

Казалось, весь городской люд собрался в этот час здесь, на этой узкой, ничем не примечательной улочке, превратив её в бурлящий жизнью проспект. Прохожие обменивались

беззаботными улыбками, а звонкий смех то и дело пролетал над головами, сливаясь с мелодией уличных музыкантов. Эта тёплая, почти медовая атмосфера медленно наполняла сердце Янь Шэна сладким, томным чувством, согревая его изнутри.

Его шаги сами собой замедлились у знакомого книжного развала. Здесь, среди потрёпанных корешков и пахнущих стариной страниц, часто можно было отыскать настоящие сокровища – те самые редкие издания, которых не встретишь в блестящих сетевых магазинах. Пальцы скользнули по корешкам, глаза выхватывали знакомые и незнакомые названия. Он лихорадочно искал ту самую историю – ту, что способна увлечь с первых строк, заставить сердце биться чаще.

Но сегодня удача, казалось, отвернулась от него. Ещё раз пробежав взглядом по полкам, он с лёгким вздохом отступил. Дома его ждали десятки таких же неудачных находок – книги, выстроившиеся ровными рядами на полках, постепенно покрывались тонким слоем пыли, безмолвно упрекая хозяина в невнимании. Когда пространства на полках становилось совсем мало, Янь Шэнли собирал их в аккуратные стопки и относил в местный детский дом.

И каждый раз это было маленькое чудо. Едва услышав о его визите, ребятишки с радостными криками высыпали в прихожую, их глаза горели нетерпением и любопытством. Для них он был не просто парнем с книгами – он был проводником в иные миры, щедрым дарителем целых вселенных, упакованных в картонные обложки.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? – грубоватый, низкий голос прозвучал прямо за спиной Янь Шэнли, резко обрывая нить его размышлений.

Парень вздрогнул и инстинктивно отпрянул в сторону, задев плечом стеллаж. Дорогая винтажная мебель, отданная когда-то за немаленькие деньги, качнулась, грозя обрушиться на пол всё своё содержимое. Однако продавец среагировал молниеносно – он сделал стремительный шаг вперёд и уверенной рукой придержал конструкцию, не дав книгам с грохотом посыпаться на пол.

Янь Шэнли никогда ещё не испытывал такого жгучего стыда. По щекам разлился предательский румянец, но внутренняя неловкость, вспыхнувшая всеми оттенками самообладания, заставила его выпрямить спину в немом отрицании: «Это был не я».

— Нет, – почти выкрикнул он, поворачиваясь на пятках.

«Нужно немедленно убраться отсюда, пока я не устроил тут ещё больший хаос», – пронеслось в голове.

Считая это решение единственно верным, он уже направился к выходу, но, проходя мимо прилавка, замер как вкопанный. Его взгляд упал на одинокую книгу, лежащую в стороне. Ничем не примечательная обложка тусклого серо-коричневого оттенка не манила покупателей, а её потрёпанный корешок и вовсе говорил о почтенном возрасте. Люди один за одним проходили мимо, будто не замечая её, отдавая предпочтение ярким новинкам.

Но что-то непреодолимо потянуло Янь Шэнли к этому забытому миру. Он медленно приблизился и, почти с благоговением, взял книгу в руки. Кожаный переплёт был шершавым на ощупь, а страницы пожелтели от времени.

Всё это время хозяин лавки не сводил с юноши задумчивого, изучающего взгляда. И в тот миг, когда пальцы Янь Шэнли коснулись старого переплёта, в глубине его темных глаз вспыхнула быстрая, как молния, искра – искра предвкушения. Лёгкая усмешка тронула уголки его губ. Хозяин бесшумно подошел сзади, заглянув покупателю через плечо.

— Вам приглянулась эта книга? – его голос теперь звучал глубже и загадочнее. — Берите. Не сомневайтесь. У вас в руках – книга из ограниченной серии. Во всём Китае её днем с огнем не сыщешь.

Солнце скрылось за горизонтом, позволяя огням города занять свое место. Янь Шэнли шел домой в приподнятом настроении, поглядывая на приобретенную вещицу и мысленно попивая чай, и с ненасытностью окунаясь в рассказ с головой. Если бы тогда он знал, за что отдал свои последние сбережения, то в жизни бы не зашел в эту проклятую небесами лавку!

□□□

«Тысяча и одна душа»

Эта книга повествовала о двух мирах, разделённых хрупкой, незримой гранью. Один из них купался в сиянии светлой энергии, другой – утопал в густых сумерках тёмной ци. Подобно инь и ян, они пребывали в хрупком равновесии, не смешиваясь, но и не мешая друг другу, вечно вращаясь в великом танце мироздания.

Мир людей, находясь под сенью могущественных богов, долгие века не ведал ни голода, ни войн, ни страданий. Царства процветали, щедро делясь друг с другом диковинными товарами и бездонными знаниями, а по великим торговым путям текли реки золота и шёлка. Но даже среди этого изобилия одна империя сияла особенно ярко – Цуфэн. Владычество её простиралось на все четыре стороны света, захватывая сотни тысяч лиЛи — китайская мера длины, примерно 500 метров., а её мощь казалась незыблемой.

И вот, в один из тех дней, когда весеннее солнце ласкало землю, а воздух был наполнен ароматом цветущей сливы, у императора родился долгожданный наследник.

Ликование народа огласило небеса – империя обрела будущее. Мальчик рос, впитывая, словно губка, знания, подобающие его статусу: искусство меча, тонкости управления, секреты боевых искусств и мудрость древних свитков. Он был воплощением надежды.

Но едва империя начала готовиться к пышному шестнадцатилетию кронпринца, как в самую полночь грянула беда.

Тьма накрыла Цуфэн волной нескончаемой скорби. Тёмная ци, клубящаяся и живая, поглотила великую столицу за несколько ночей. Дворцы, что видели тысячу побед, обратились в прах. Улицы, помнившие смех детей, заполнили твари из кошмаров. А всемогущие боги, те, к кому зывали в молитвах, молча отвернулись, оставив людей на произвол судьбы.

Прошли годы и от когда-то великой империи не осталось почти ничего. Рассуждая об этом, заклинатель, прогуливаясь вдоль берега реки Хань, тихо напевал легкую мелодию, что сливалась с песней воды. Он был погружён в свои думы, пока отчаянный, надрывный детский крик не вонзился в тишину. Мальчик, совсем ещё ребёнок, беспомощно барахтался в реке, и тёмная вода уже смыкалась над его головой.

Сердце заклинателя сжалось. Не раздумывая, он ринулся в холодные воды.

Заклинатель спас того мальчика, решив, что совершил благое дело. Но он и представить не мог, что его добрый порыв станет тем семенем, из которого прорастёт гибель обоих миров.

Спасённый им ребёнок однажды вознамерится покорить и свет, и тьму, низринув всё сущее в хаос.

□□□

Огромный лев, чья голова упиралась в низкие облака, а высота исчислялась несколькими чжан, вперил свои холодные змеиные глаза в одинокую фигурку ребёнка.

Чжан — китайская мера длины = 100 цуней (около 3 м),

У ног мальчика в неестественных позах лежали те, кто ещё недавно был его семьёй — ученики ордена Бэйшу. Эти люди стали для Вэн Лицзяня всем: домом, опорой, смыслом. Он хотел оберегать их, как самое дорогое сокровище.

Теперь же оберегать было некого. Что он мог сделать для них? Лишь одно — достойно проводить в последний путь, сквозь ад, что разверзся вокруг. Огонь жадно пожирал бамбуковые кровли и резные балки, а зелёная, некогда душистая трава, теперь источала зловонный смрад от ещё не до конца высохшей крови.

В его серебряных глазах, широко распахнутых от ужаса, бушевала буря. Ужас перед чудовищем, затмившим небо. Ужас от осознания, что следующее мгновение может стать последним. Ноги онемели и не слушались, словно вросли в окровавленную землю, а в ушах стоял оглушительный гул собственного сердца.

— Беги!

Чей-то тихий, но настойчивый голос ворвался в его сознание, отозвавшись эхом в самой

глубине души. «А-Цзянь, беги!» На миг в затуманенном взоре мелькнул расплывчатый силуэт, знакомый до боли.

Вэн Лицзянь вздрогнул, отрываясь от нахлынувших воспоминаний. Его веки медленно приподнялись. Теперь он стоял на вершине самого высокого здания в городе, откуда открывалась идеальная панорама торжествующего хаоса. Стройный юноша с холодным, почти томным любопытством наблюдал, как внизу металась в панике люди, разрываемые на части демоническими тварями, а их отчаянные крики слагали симфонию его победы.

— Ос-та... новись... - прохрипел кто-то позади, пытаясь выговорить слова сквозь хрипы. Парень даже не удостоил говорящего взглядом. — Шицзунь... он же... Шицзунь — самое уважительное обращение к учителю - голос сорвался в надрывном шёпоте, — этот город... он был так дорог ему... и ты ведь...

Звонкий, резкий щелчок пальцев оборвал речь на полуслове. Вслед за ним раздался душераздирающий крик, полный такой нечеловеческой агонии, что, казалось, сама тьма содрогнулась. Магические цепи, сковывавшие пленника, ожили, впиваясь в плоть стальными шипами.

Только тогда Вэн Лицзянь медленно, с ледяным спокойствием, повернулся к источнику крика. Его взгляд был пуст и бездонен.

— Не смей при мне упоминать о нём, - его голос прозвучал тихо, но с такой неумолимой силой, что, казалось, даже ветер пугливо застыл.

Второй щелчок пальцев отрезал крик, и мир погрузился в гробовую тишину, нарушаемую лишь треском пожаров и далёким рыком зверей.

□□

Осеннее равноденствие растянулось на несколько дней, наполненных тихой грустью. Янь Шэнли стоял на краю обрыва, сжимая в руках скромный букет из хризантем и веток клёна. Внизу бушевали свинцовые волны, безжалостно разбиваясь о скалы - именно здесь когда-то нашёл свой конец его отец. Единственный человек, чья любовь была щитом от всего мира, не давший одиночеству сжать свои тиски вокруг сердца маленького мальчика.

— Я скучаю по тебе... - шёпотом произнёс он, разжимая пальцы.

Букет камнем полетел вниз и мгновенно исчез в пене волн, утянутый на дно бездушной пучиной.

Цветы жаждут воды, чтобы жить, но если бросить их в самую сердцевину бури, волны сразу же разорвут их нежные лепестки.

Янь Шэнли сделал шаг назад, готовый уйти с этого места, пропитанного болью, но вдруг замер, едва не задев кого-то. Рядом стояла маленькая девочка. В руках она бережно сжимала несколько пряников в форме священных животных. Её взгляд, чистый и ясный, встретился с его глазами – яркими, как отполированная яшма. Щёки ребёнка залились румянцем, и она молча протянула ему пряник в виде тигра.

Янь Шэнли огляделся – вокруг ни души. Где же её родители?

— Это... мне? – удивился он, приседая на корточки.

В ответ девочка лишь поднесла угощение ближе. Пряник был выполнен настолько искусно, что его было почти жалко есть. На вид ей (как прикинул Янь Шэнли) было лет девять-десять, две аккуратные косички обрамляли лицо с пухлыми губами и большими глазами цвета спелого персика, которые смотрели на него с безмолвным ожиданием.

Словно повинувшись её воле, Янь Шэнли осторожно откусил кончик тигриного уха. Сладкий вкус ореховой пасты и карамелизованной муки растаял на языке. Это было неожиданно приятно даже для него, равнодушного к сладкому.

Губы ребенка растянулись в нежной улыбке. Её рука вдруг потянулась к его щеке. Маленькая ладонь мягко коснулась кожи Янь Шэнли.

Она заговорила, и голос её прозвучал странно взросло, даже как-то пронизательно:

— Даже тигр может быть покладистым котёнком... – тёплый взгляд ребенка внезапно покрылся льдом, — а котёнок, что греется у тебя на коленях, может внезапно вцепиться когтями, оставить шрамы, которые никогда не заживут.

И прежде чем Янь Шэнли успел что-либо понять, её рука резко упёрлась ему в грудь.

Неожиданный толчок, потеря равновесия – и мир перевернулся. Небо поменялось местами с бушующей бездной внизу. Падение показалось вечностью, и последнее, что увидел Янь Шэнли перед тем, как ледяные волны сомкнулись над ним – это безразличный взгляд ребёнка на краю обрыва, стирающийся вдаль.

<http://bllate.org/book/17378/1629809>